

Концепция «Исламского пробуждения»
как внешнеполитическая доктрина
Исламской Республики Иран в XXI в.

Никита А. Филин, Владимир О. Кокликов,
Николай А. Медушевский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; n.filin@rggu.ru, azzuro@list.ru,
lucky5659@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются сущность и функционирование концепции «Исламского пробуждения» (ИП) (перс. – бидарийе эслами) в Иране, которая была актуализирована иранской политической элитой в качестве описания событий, связанных с «Арабской весной», а также внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран (ИРИ) в 2010-х годах. Как показывает данное исследование, этот термин появился в иранском социально-политическом дискурсе еще в предыдущие десятилетия и имеет сходство с понятием «исламское возрождение», охватывающем в исламском мире в разные исторические периоды огромное число разнородных движений.

Авторы статьи проводят анализ идеологических корней данной концепции, которые восходят к идеям основателя ИРИ аятоллы Рухоллы Хомейни, получившим название «Экспорт исламской революции» (перс. – содурэ энгелабе эслами). Большое внимание уделяется выявлению сущности данной концепции и ее отличию от ИП, что также было выявлено настоящим исследованием.

В настоящей статье также анализируются основные принципы концепции «Исламского пробуждения», проявляемые как в высказываниях высших представителей иранской политической элиты, так и в школьном учебнике по современной истории Ирана.

Авторы также стремятся рассмотреть динамику употребления термина «Исламское пробуждение» в иранском социально-политическом дискурсе, заключающуюся в сильном росте его упоминания в 2011 г. и постепенном сокращении его использования после 2013 г., что было связано как с уменьшением влияния событий «Арабской весны» в регионе Ближнего и Среднего Востока, так и с изменением внешнеполитических взглядов главных политических деятелей внутри Ирана.

Ключевые слова: Иран, Исламское пробуждение, Экспорт исламской революции, «Арабская весна», внешняя политика

Для цитирования: Филин Н.А., Кокликов В.В., Медушевский Н.А. Концепция «Исламского пробуждения» как внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран в XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 98–109. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-98-109

The concept of «Islamic Awakening»
as the foreign policy doctrine
of the Islamic Republic of Iran in the 21st century

Nikita A. Filin, Vladimir O. Koklikov,
Nikolai A. Medushevskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
n.filin@rggu.ru; azzuro@list.ru, lucky5659@yandex.ru*

Abstract. The article examines the essence and functioning of the concept of «Islamic Awakening» (IA) (Persian – bidariye eslami) in Iran, which has been actualized by the Iranian political elite as a description of events related to the Arab Spring, as well as the foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran (IRI) in the 2010s. As this study shows, this term appeared in Iranian sociopolitical discourse in previous decades and has similarities with the concept of «Islamic revival», covering a vast number of diverse movements in the Islamic world in different historical periods.

The authors of the article analyze the ideological roots of this concept, which dates back to the ideas of the founder of the Islamic Republic of Iran, Ayatollah Ruhollah Khomeini that received the title «Export of the Islamic Revolution» (Persian – sodure engelabe eslami). Much attention is paid to identifying the essence of this concept and its difference from IA, which was also revealed by the present study.

This article also analyzes the basic principles of the concept of «Islamic Awakening», manifested both in the statements of the highest representatives of the Iranian political elite and in the school textbooks on the modern history of Iran.

The authors also seek to examine the dynamics of using the term «Islamic Awakening» in the Iranian social and political discourse, which demonstrates a strong increase in its mentioning in 2011 and a gradual decrease after 2013, which was related to a decline in the influence of Arab Spring in the Near and Middle East region and changes in the foreign policy views of the main political figures inside Iran.

Keywords: Iran, Islamic Awakening, Export of the Islamic Revolution, Arab Spring, foreign policy

For citation: Filin NA., Koklikov VO., Medushevskii NA. The concept of “Islamic Awakening” as the foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran in the 21st century // *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019;2:98-109. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-98-109

Введение

Интерес к изучению иранской внешнеполитической концепции «Исламского пробуждения» появился после 2011 г., когда он стал основой идеологии Ирана в описании событий «Арабской весны» и его взаимоотношений со странами региона Ближнего и Среднего Востока. Сам термин «Исламское пробуждение» на тот момент не был новым в иранском религиозно-политическом дискурсе и в какой-то степени соотносился с понятием «Исламское возрождение», охватывающем в исламском мире в разные исторические периоды «огромное количество разных движений, как радикальных и обособленных, так и плюралистичных; как расположенных к научной картине мира, так и антинаучных; как прежде всего религиозных, так и главным образом политических; как демократических, так и диктаторских; как миролюбивых, так и воинственных» [1].

В отечественной и западной историографии данной концепции уделяется не очень много внимания. В России сюжетами, связанными с «Исламским пробуждением», занимается А.В. Баранов. В своих работах [2; 3] он подробно разбирает принципы данной концепции в контексте событий «Арабской весны». Среди западных исследователей следует выделить работы П. Мохсени¹ и С. Хадери-Арайии [4], в которых авторы дают полный анализ концепции ИП в контексте внешней политики Ирана.

Вместе с этим в научном дискурсе на данный момент наблюдается недостаток комплексного исследования проблемы концепта «Исламского пробуждения» в его взаимосвязи с историческим процессом, а также причинами усиления его проявления и затухания в иранском социально-политическом дискурсе.

Тем не менее об актуальности проблемы и ее социополитическом значении свидетельствуют данные статистических обследований, например данные Информационного агентства ИСНА (ISNA) (рис. 1).

¹*Mohseni P.* The Islamic Awakening: Iran’s Grand Narrative of the Arab Uprisings // *Middle East Brief*. № 71. April 2013. URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/meb/MEB71.pdf> (дата обращения 18 января 2019).

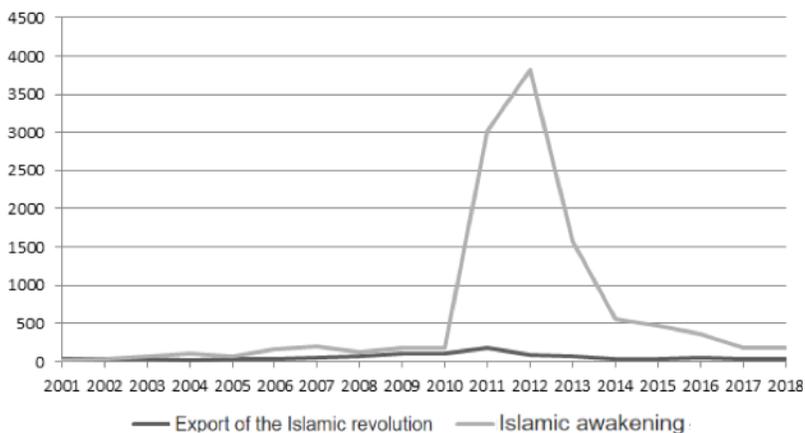

Рис. Частота упоминания фраз «Экспорт исламской революции» и «Исламское пробуждение» с 2000 по 2018 г. в иранском политическом дискурсе².

Исследовательская проблема

Концепция «Исламского пробуждения» является многогранной, и ее интерпретации можно обнаружить в политических и религиозных концепциях различных исламских государств и организаций. Тем не менее один из ключевых концептов модели «Исламского пробуждения» сформировался в Республике Иран после Исламской революции. Данный концепт стал одним из первых и оказал большое влияние на остальной исламский мир. Более того, это влияние сохраняется. В данной связи проблема исследования существует в двух измерениях. Во-первых, неоднозначны сроки существования в Иране концепции «Исламского пробуждения». Во-вторых, проблема связана с формулировкой реального смысла концепции, который многократно трансформировался вслед за изменениями в национальном политическом и религиозном дискурсе.

Предметом данной статьи, таким образом, выступает иранская интерпретация концепции «Исламского пробуждения» в контексте эволюции ее религиозно-политического содержания. Раскрывая общий современный смысл данной концепции, следует пояснить,

²Mohseni P. The Islamic Awakening: Iran's Grand Narrative of the Arab Uprisings // Middle East Brief. № 71. April 2013. URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/meb/MEB71.pdf> (дата обращения 18 января 2019).

что под ней подразумевается «процесс подъема осознанности в исламской умме, возрождение ислама в человеке и обществе... Воскресение исламских ценностей и возвращение к исламской самости» [5].

Во многом формирование и развитие концепции «Исламского пробуждения» порождает религиозно-политический конфликт, что также связано с проблемой исследования. В частности, современная, даже школьная трактовка концепции констатирует поиск «действительной... исламской идентичности, через возвращение к исламской самобытности» [5].

Цель данной статьи – представить результаты исследования концепции «Исламского пробуждения», рассмотренной в том числе как внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран в конце XX – начале XXI в. Достижение поставленной цели в рамках данного подхода сопряжено с 1) выявлением идеологических корней и основных принципов концепции и 2) в анализе эволюционных трендов данной концепции вплоть до настоящего времени.

Методология исследования

Проведение исследования, представленного в данной статье, потребовало применения комплекса методов, обобщенных междисциплинарным подходом. В качестве ключевых методов следует отметить графический метод анализа статистических данных, пример которого представлен на рисунке, сопоставительный статистический метод (данные Информационного агентства ИСНА) и метод анализа религиозно-политического дискурса Ирана, выполненный на основании национальных источников – преимущественно речей религиозных и политических лидеров. Дискурс-анализ в проведенном исследовании был представлен в русле метода концептуального анализа. Его объектами выступили концепты (смыслы), передаваемые отдельными словами, словосочетаниями и целыми текстами, например обращениями лидера к нации. В числе концептов первые места заняли «Исламское пробуждение», «Исламское возрождение», «Экспорт исламской революции» и некоторые другие. Для каждого концепта были определены ряды специфических характеристик, которые позволили, с одной стороны, развести понятия, а с другой – уточнить их смыслы, часто размытые политизированной риторикой отдельных ораторов.

Помимо перечисленных методов применялся хронологический подход к исследованию текстов выступлений иранских лидеров.

Результаты исследования

По итогам проведенного многостороннего анализа обозначенной проблемы авторами данной статьи было установлено, что идеологи «Исламского пробуждения» в Иране возводят происхождение данного термина к речам и трудам основателя Исламской Республики Иран Рухоллы Хомейни³, который, хотя и применял данный термин, делал это говоря о пробуждении либо иранской нации, либо мусульман, не используя слово «исламское»⁴.

Основополагающей внешнеполитической концепцией во время нахождения у власти Рухоллы Хомейни с 1979 по 1989 г. был «Экспорт исламской революции», воплотивший в себя его религиозно-политические идеи. По его мнению, «Экспорт» являлся неотъемлемой частью политики Ирана⁵. Среди важных целей революции можно выделить следующие: 1) отрицание колонизации и иностранного господства; 2) поддержка мусульман и угнетенных во всем мире; 3) развитие убеждений, идей и культуры ислама, поддержка мусульман во всем мире; 4) стремление к укреплению основ единства исламской уммы во всем мире; 5) стремление к пробуждению и единству угнетенных во всем мире; 6) предупреждение и осуждение нарушающих права людей во всем мире⁶.

Однако основополагающей главной чертой концепции «Экспорта исламской революции» был взгляд на Иран как на центр «революции», а на иранского руководителя как на лидера всех мусульман [6]. Несмотря на шиитскую ориентируемость, Исламская революция 1979 г. в Иране послужила мощным катализатором для развития исламизма в странах мусульманского мира [7].

Однако в скором времени ситуация изменилась, поскольку под «экспортом революции» подразумевалось главенство шиитской версии ислама, и идеи аятоллы Хомейни встретили резкое

³Баранов А.В. Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. 2014. № 9. С. 190–204.

⁴Страницы имама Хомейни (сахифеё имам Хомейни). Тегеран: Институт составления и публикации произведений имама Хомейни (отдел международных отношений), 1999. Т. 10. 536 с.

⁵Страницы имама Хомейни (сахифеё имам Хомейни). Тегеран: Институт составления и публикации произведений имама Хомейни (отдел международных отношений), 1999. Т. 12. 512 с.

⁶Теоретические основы экспорта революции с точки зрения имама Хомейни (мабание назарие содуре энглаб аз моназаре эмам хомейни) // Официальный сайт Али Хаменеи «Khamenei.ir», 23.09.2007. URL: <http://farsi.khamenei.ir/others-article?id=10232> (дата обращения 18 января 2019).

отторжение со стороны государств с преобладающим суннитским населением [8].

После смерти Рухоллы Хомейни в 1989 г. концепция «Экспорта исламской революции» стала отодвигаться на второй план, что было связано с прагматической внешней политикой президента страны (1989–1997) Али Акбара Хашеми-Рафсанджани.

Следующий президент Мохаммад Хатами (1997–2005) выдвинул внешнеполитическую концепцию «Диалога цивилизаций», подразумевающую равенство народов и государств⁷.

Пришедший ему на смену Махмуд Ахмадинежад (2005–2013), несмотря на некоторые радикальные внешнеполитические взгляды (например, по поводу уничтожения Израиля), в целом заявлял о стремлении Ирана к равноправному отношению со странами мирового сообщества⁸.

Нынешний президент Ирана Хасан Роухани в своих выступлениях отказался от радикальных внешнеполитических высказываний, настаивая на прагматичной политике страны⁹.

Вместе с этим упоминание в официальных выступлениях концепции «Экспорта исламской революции» полностью не ушло из иранского социально-политического дискурса, но оставалось незначительным.

Другую динамику показывает употребление выражения «Исламское пробуждение». Как видно из рисунка, данный термин начал набирать популярность с начала 2000-х. В 2011 г. термин «Исламское пробуждение» набрал крайне высокую популярность в русле иранской политической риторики, что имеет явную связь с интерпретацией иранской политической элитой событий «Арабской весны».

Здесь показательна эволюция смыслового содержания концепта «Исламское пробуждение».

Первое известное упоминание относится к 15 августа 2000 г. и связано с высказываниями уполномоченного представителя Лидера страны в Корпусе стражей исламской революции ходжат

⁷Страницы имама Хомейни (сахифеи имам Хомейни). Тегеран: Институт составления и публикации произведений имама Хомейни (отдел международных отношений), 1999. Т. 10. 536 с.

⁸Обращение Президента Исламской Республики Иран Махмуда Ахмадинежада к Генеральной Ассамблее ООН 25 сентября 2007 г. // Махмуд Ахмадинежад: Избранное. Казань: Intelpress+, 2010. 147 с.

⁹*Абедини В.* Выступления в ООН Рухани и Обамы разбили лед ирано-американских отношений // ИНОСМИ.РУ. Iranian Diplomacy, 30.09.2013. URL: <https://inosmi.ru/world/20130930/213423420.html> (дата обращения 18 января 2019).

оль-эслама Салеком Кашани. Он сказал: «...Духовный лидер [Али Хаменеи] считает исламско-духовное пробуждение и единство мусульман стратегическими факторами для создания великой исламской уммы, и все должны стремиться к ее созданию... Первое влияние, которое оказал имам [Хомейни] на силы, заинтересованные в Исламской революции во всем мире, – их стремление к пробуждению и вере в себя»¹⁰.

В данный период наблюдается неотделимость понятий «Экспорт исламской революции» и «Исламское пробуждение». В этот период понятие «Исламское пробуждение» относилось главным образом к Палестине. Затем с 2003 г. в речах иранских политических деятелей оно стало касаться все больше стран, так как на этот период приходится вторжение США в Ирак¹¹.

В этот период начало формироваться и идеологическое обоснование данной концепции. Примером может служить высказывание одного из главных идеологов «Исламского пробуждения» советника Лидера страны доктора Али Акбара Велаяти: «...Иран и ислам имеют друг с другом неразрывную связь. За два последних века без ислама и исламского пробуждения не было бы возможности сохранения нашего народа и за кулисами всех социально-политических движений прошлых лет был сильный исламский стимул»¹², а также «Пробуждение мусульман само по себе важнейшее оружие для их правления»¹³.

В более поздний период, 15 марта 2009 г., поддержкой идей «Исламского пробуждения» отметился и будущий президент ИРИ

¹⁰Обращение Президента Исламской Республики Иран Махмуда Ахмадинежада к Генеральной Ассамблее ООН 25 сентября 2007 г. // Махмуд Ахмадинежад: Избранное. Казань: Intelpress+, 2010. 147 с.

¹¹Мохсен Резаи перед депутатами парламента: если народ будет с режимом и революцией, угрозы для страны не будет существовать (мохсен резай дар джаме намаяндегане маджлес: агяр мардом ба незам ва энгелаб башанд, тахдиди барае кешвар воуджуд нахахад дашт) // Информационное агентство ИСНА, 09.04.2003. URL: <https://www.isna.ir/news/8201-03671/> (дата обращения 18 января 2019).

¹²Али Акбар Велаяти: отрицание иранской идентичности – действие, которое не идет на пользу (али акбар веляяти: нафие хоувияте ирани амали бе масляхат нист) // Информационное агентство ИСНА, 30.04.2003. URL: <https://www.isna.ir/news/8202-03455/> (дата обращения 18 января 2019).

¹³Велаяти: мы должны иметь сдерживающую силу – пробуждение мусульман есть важнейшее оружие (веляяти: баяд годрате баздарандеги даште башим – бидарие мосальманан мохемтарин селах аст) // Информационное агентство ИСНА, 28.07.2007. URL: <https://www.isna.ir/news/8605-02637/> (дата обращения 18 января 2019).

Хасан Роухани. Он заявил, что «Исламская революция в Иране принадлежит не только шиитам и не только народу Ирана, но была большим извержением в исламском мире, первый шаг на пути которого сделал Иран»¹⁴.

Проведенное исследование выявило, что события «Арабской весны» дали сильный импульс к развитию идей «Исламского пробуждения» в Иране. Это использовалось в качестве платформы для расширения влияния Ирана на региональные события. Отправной точкой актуализации данной концепции можно считать речь Али Хаменеи 4 февраля 2011 г.¹⁵

В 2013 г. взгляды Али Хаменеи получили более подробную интерпретацию. По его мнению, корень «Исламского пробуждения» заключается в «возрождении человеческой чести и достоинства в тени ислама», а приоритетом победивших (Арабских) революций является создание «строя на основе исламских принципов» и «процветающей исламской цивилизации»¹⁶.

Однако Хаменеи отказывается соглашаться с мнением, что Иран стремится экспортировать в страны региона собственную религиозно-политическую модель. «Это все тридцатилетняя ложь, которую распространяют, чтобы отделить народы друг от друга и лишить их помощи друг другу, и ее все время повторяют... мы не оставим задачи, которые возложил на наши плечи ислам»¹⁷.

¹⁴Роухани: Перед проектом исламофобии Запада у исламского мира нет пути, кроме единства (Роухани: джахане эслам дар могабеле пружее эсламсагитие гарб рахи джоз вахдат надарад) // Информационное агентство ИСНА, 15.03.2009. URL: <https://www.isna.ir/news/8712-13888/> (дата обращения 18 января 2019).

¹⁵Аятолла Али Хаменеи. Пятничные молитвенные проповеди в Тегеране + перевод проповеди на арабском языке (хотбехайе намазе джомэе техран + тарджомэе хотбейе араби) // Официальный сайт Али Хаменеи «Khamenei.ir», 04.02.2011. URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=10955> (дата обращения 18 января 2019).

¹⁶Аятолла Али Хаменеи. Ответ лидера революции на двадцать вопросов касательно «Исламского пробуждения» (пасохе рахбаре энгелаб бе 20 порсеш дарбарее «бидарие эслами») // Официальный сайт Али Хаменеи «Khamenei.ir», 23.04.2013. URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=22406#8> (дата обращения 18 января 2019).

¹⁷Роухани: Перед проектом исламофобии Запада у исламского мира нет пути, кроме единства (Роухани: джахане эслам дар могабеле пружее эсламсагитие гарб рахи джоз вахдат надарад) // Информационное агентство ИСНА, 15.03.2009. URL: <https://www.isna.ir/news/8712-13888/> (дата обращения 18 января 2019).

В итоге концепция «Исламского пробуждения» получила не только официальную трактовку, но и официальное выражение, в том числе в системе школьного образования, что стало свидетельством ее реального внутривосточного потенциала в сфере формирования национального самосознания. Примером этого может служить учебник современной истории Ирана для 11-го класса под авторством А. Велаяти, Дж. Манеш и др. Интересно, что при сравнении разных изданий данного учебника, 2009 и 2016 гг., обнаруживается добавление информации об «Исламском пробуждении». Например, в учебнике версии 2016 г. оказывается, что антитабачное движение 1890-х годов «привело к большей консолидации шиитского духовенства и верующих, тем самым показав, что исламское пробуждение в Иране достигло политической и интеллектуальной зрелости» [5], а также что в 1940–1950 гг. Кумская семинария «не избежала движения исламского пробуждения... и сыграла важную роль в сохранении мусульманского общества Ирана от политических и социальных кризисов того периода» и т. п. Таким образом, концепция «Исламского пробуждения» постепенно обретает характеристики идеологической модели, которая опирается на исторические факты для расширения и укрепления своего современного, формирующего мышление нации содержания.

Вывод

Главным отличием от концепции «Экспорта исламской революции» (где Иран представлялся центром мусульманского мира) для «Исламского пробуждения» стала идея полицентричности возникновения данного феномена, а также естественного хода его развития без опоры на шиитский ислам. Это должно было избавить Иран от обвинений в стремлении искусственно революционизировать исламский мир, как это было с «Экспортом исламской революции». Продвижение идей «Исламского пробуждения» можно охарактеризовать как политику «мягкой силы», которую Иран начал использовать в 2000-х гг. для продвижения своих внешнеполитических интересов, но постепенно, особенно после событий «Арабской весны» 2011–2013 гг., расширил ее и на внутривосточный контекст, обратившись к своеобразному процессу идеологической интеграции внешней и внутренней политики, примеры которой сегодня можно обнаружить в большинстве исламских государств региона.

Литература

1. *Lapidus I.M.* A History of Islamic Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 971 p.
2. *Баранов А.В.* «Исламское пробуждение» и «Арабская весна»: внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 71–77.
3. *Баранов А.В.* Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. 2014. № 9. С. 190–204.
4. *Ghaderi Araee S.M.* Impact of Islamic Revolution in Iran And Islamic Awakening In the world // International Journal of Humanities and Social Science Invention (IJHSSI). V. 7. № 1. 2018. P. 76–81.
5. *Velayati A.A., Manesh J.E. and others.* The modern history of Iran. Tehran: Publishing of textbooks of Iran, 2016. 253 p.
6. *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. 480 с.
7. *Пластун В.Н.* Деятельность экстремистских сил и организаций в странах Востока. Новосибирск: Сова, 2005. 474 с.
8. *Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. М.: РОССПЭН, 2001. 237 с.

References

1. Lapidus IM. A History of Islamic Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 971 p.
2. Baranov AV. “Islamic Awakening” and “Arab spring”: foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran. Saratov: Saratov University Press (Series “History. International Relations”) 2013;3:71-7. [In Russ.]
3. Baranov AV. The concept of “Islamic Awakening” by Ayatollah Ali Khamenei. History and Historical Memory. 2014;19:190-204 [In Russ.]
4. Ghaderi Araee SM. Impact of Islamic Revolution in Iran And Islamic Awakening In the world. *International Journal of Humanities and Social Science Invention (IJHSSI)*. 2018;1:76-81.
5. Velayati AA., Manesh JE. et al. The modern history of Iran. Tehran: Publishing of textbooks of Iran. 253 p.
6. Kepel G. Expansion and decline of Islamism. Moscow: Ladomir Publ.; 2004. 480 p. [In Russ.]
7. Plastun V.N. Activities of extremist forces and organizations in the countries of the East. Novosibirsk: Sova Publ.; 2005. 474 p. [In Russ.]
8. Khatami M. Islam, dialogue and civil society. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2001. 237 p. [In Russ.]

Информация об авторах

Никита А. Филлин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; n.filin@rggu.ru

Николай А. Медушевский, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; lucky5659@yandex.ru

Владимир О. Кокликов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, azzuro@list.ru

Information about the authors

Nikita A. Filin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; n.filin@rggu.ru

Nikolay A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; lucky5659@yandex.ru

Vladimir O. Koklikov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 38, Ostozhenka st., Moscow, Russia; azzuro@list.ru